

Лю Цзяньхуа пришёл не один. За ним следовал младший сын, Лю Тяньян.

Цзян Лэ больше походил на мать, а Лю Тяньян был словно вылеплен по молодому Лю Цзяньхуа. К тому же из-за смены фамилии Лю Цзяньхуа в глубине души всегда считал сокровищем только Лю Тяньяна.

Как только дверь открылась, оба тут же попытались протиснуться внутрь. Лю Тяньян разглядывал Цзян Лэ и одновременно заглядывал в квартиру. Его взгляд был таким, будто он смотрел на вещь, уже лежавшую у него в кармане. Цзян Лэ выставил перед дверью одну руку, и отец с сыном так и не смогли её отодвинуть.

— Что вы делаете с самого утра?

Лю Тяньян недовольно сказал:

— Я деньги даю на покупку квартиры. Разве нельзя сначала осмотреть жильё?

— Ты даёшь деньги? — Цзян Лэ насмешливо посмотрел на него.

Лю Тяньяну стало неловко, лицо вспыхнуло. Лю Цзяньхуа недовольно посмотрел на Цзян Лэ.

— Эта квартира потом пойдёт твоему младшему брату. Ничего страшного, если он её осмотрит.

Он помолчал и добавил:

— Из-за того, что я даю тебе деньги на первый взнос, твоя тётя эти два дня недовольна. Говорит, я к тебе пристрастен. Отец уже старается быть как можно справедливее к вам обоим.

От этого образа великого отца, которым Лю Цзяньхуа любовался сам в себе, Цзян Лэ хотелось рассмеяться. Но сейчас у него уже не было интереса препираться с ними.

— Не говори лишнего. Кто даст деньги, тому я и продам квартиру. Остальное — дела вашей семьи.

Сказав это, Цзян Лэ опустил руку и отступил на шаг, впуская их в квартиру.

Едва Лю Цзяньхуа вошёл, он поразился. В квартире было пусто, не осталось ничего, кроме голых стен.

— А где мебель?

— Мебель была вещами моими и моей мамы. Конечно, я её забрал, — без выражения сказал Цзян Лэ.

Сами по себе эти слова были безупречны, но картина перед глазами всё равно заставила Лю Цзяньхуа почувствовать какой-то дискомфорт. Цзян Лэ слишком подчистую отделил себя и мать от него.

— Но диван-то я покупал!

— Будет время, расколю его на дрова и сожгу. — Видя, что Лю Цзяньхуа снова собирается болтать лишнее, Цзян Лэ прямо сказал: — Я слышал, после Нового года этот район, возможно, пойдёт под снос?

Одна фраза застряла у Лю Цзяньхуа в горле вместе со всем недовольством. Отец с сыном из семьи Лю перепугались как следует, боясь, что Цзян Лэ тут же поднимет цену или передумает продавать.

Лю Тяньян сказал:

— Ха-ха, откуда такие новости? Мы местные и то ничего не знаем.

Лю Цзяньхуа тоже сухо рассмеялся:

— Нет такого. Была бы такая хорошая новость, разве отец тебе не сказал бы?

— Именно, брат. Давай лучше поскорее оформим документы. Цены на квартиры в Хайши каждый день меняются.

После этого есть мебель или нет уже никого не интересовало.

Цзян Лэ тоже не собирался тянуть. Утром трое взяли нужные документы и отправились в соответствующие органы оформлять сделку. Когда они вышли из зала обслуживания, Лю Цзяньхуа будто сбросил с плеч огромный мешок. Прежнюю любезность он тут же убрал, расспрашивать Цзян Лэ с напуганной заботой тоже перестал, только сказал:

— Тогда пока так. У нас дома ещё дела, не будем задерживать тебя.

Где потом остановится Цзян Лэ, его совершенно не волновало.

Цзян Лэ, конечно, был только рад не видеть их. На этом трое разошлись.

Цзян Лэ не стал надолго задерживаться в городе. В гараже старой квартиры стоял маленький электромобиль, которым при жизни пользовалась мать Цзян. Машина была небольшая, зато всё ещё исправная. Перед тем как утром выйти по делам, Цзян Лэ поставил её на зарядку, и теперь заряда уже хватало, чтобы проехать километров сто, а то и больше.

Цзян Лэ сел за руль и поехал всё дальше от городской черты, прямо к горному району Цзянши. Его дедушка и бабушка по материнской линии умерли рано. До их смерти они всё время жили в маленькой деревне среди гор и лесов. У Цзян Лэ сохранились только воспоминания о том, как до десяти лет он ездил туда с матерью на летние каникулы.

Потом он слышал, что деревню, где жили дедушка и бабушка, целиком переселили в посёлок у подножия горы. Наверху остались лишь старые дома без жильцов, да и те, кажется, окончательно опустели только за последние год-два.

Именно туда Цзян Лэ и направлялся. Воспоминания уже расплылись, но, к счастью, навигатор в телефоне показывал маршрут очень ясно.

До метеоритного удара оставалось около двух месяцев. На системном складе свободного места было уже не так много, и Цзян Лэ решил в этот период сосредоточиться на возделывании фермы. По крайней мере, до конца света он хотел успешно поднять уровень фермы и посмотреть, какой именно будет награда за повышение.

На это время не было смысла искать себе новое жильё. После наступления апокалипсиса самой большой опасностью станет толпа. Пережив прошлую жизнь, Цзян Лэ и сам больше привык действовать в одиночку. К тому же из-за усилившегося слуха городские звуки стали

для него немного труднопереносимыми. Ради тишины тоже стоило уехать подальше.

У подножия горы находился маленький посёлок. Цзян Лэ ещё помнил, как в детстве ходил туда с бабушкой на утренний рынок. На старой улице лавки тонули в дымке от закусовых и чайных.

Припарковав машину у дороги, Цзян Лэ снова вошёл на старую улицу. Уже был полдень. Многие лавки закрылись, и, если стоять у входа и смотреть внутрь, кроме нескольких стариков, сидевших и болтавших, больше почти не было видно молодых людей.

Помимо чайной, открытыми оставались только старый универсальный магазин и лавка с вонтонами. Буквы на вывеске универсального магазина облупились и выцвели так, что почти не читались. Товары внутри тоже выглядели так, будто после последней закупки в прошлом веке новых больше не привозили.

Цзян Лэ выбрал там несколько часто используемых сельскохозяйственных инструментов, а в соседней лавке заказал миску вонтонов. Хозяйке, которая когда-то была женщиной средних лет, теперь уже было за шестьдесят, но вкус вонтонов не изменился.

Цзян Лэ выпил и бульон, затем с инструментами вернулся в машину и продолжил путь.

Машина петляла по горной дороге, обходя один склон за другим. За весь путь Цзян Лэ встретил только две-три машины, ехавшие в том же направлении, но все они после очередного поворота уходили на другие дороги.

Спустя больше часа пути Цзян Лэ наконец добрался до деревни своего детства.

Редкие дома, разбросанные по обе стороны дороги, несли на себе следы разъедающего времени. Вьющиеся растения густо оплетали стены и почти сливались с ними в одно целое. Разная зелень странным, но гармоничным образом переплеталась со старым деревом.

К счастью, большую часть деревенских дорог выложили каменными плитами, и природа ещё не успела полностью их отвоевать.

Деревня выглядела ровно так, как помнил Цзян Лэ. Он быстро нашёл маленький двор, принадлежавший его деду и бабушке. Дверь во двор была заперта ржавым замком.

Цзян Лэ достал из рюкзака связку ключей. Он забрал её из старой квартиры. При жизни мать Цзян сохранила все ключи. Он перебирал их один за другим и вскоре нашёл подходящий.

С щелчком замок открылся. Цепь с шорохом соскользнула с двери и упала Цзян Лэ в ладонь.

Поскольку много лет сюда никто не ступал, трава и кусты во дворе уже доходили Цзян Лэ до пояса. А оставленное без ухода персиковое дерево во дворе всё-таки принесло ярко-красные плоды. Они как раз созрели и тихо жили сами по себе в этом укромном уголке гор. Рядом с персиковым деревом был колодец, внутри которого чистая вода отражала лицо Цзян Лэ, когда он наклонился посмотреть вниз.

Пройдя через двор, он оказался перед старомодным домом из серо-синего кирпича под черепичной крышей. На деревянной двери ещё угадывались остатки парных новогодних надписей, выцветшие до едва заметного розового. Он снял дверной замок, толкнул дверь, и солнечный свет рассыпался по дому, озаряя старые комнаты, которые давно пребывали в тишине.

В гостиной восьмиугольный стол и кресло-качалка по-прежнему спокойно стояли на своих местах, словно запечатанные пылью годы никуда не уходили.

Весь день Цзян Лэ расчищал двор от сорняков, потом вынес из дома лестницу, забрался на персиковое дерево и сорвал все плоды с ветвей. Несколько персиков он съел прямо на месте, а остальные убрал в системное пространство.

К удивлению Цзян Лэ, в старом доме всё ещё было электричество. Он был готов к тому, что в горной деревне света не окажется, и в прошлой жизни во время конца света уже привык жить в таких условиях. Но наличие электричества стало неожиданной радостью. По крайней мере, следующие несколько месяцев с ним будет намного удобнее.

Цзян Лэ привёл старый дом в состояние, пригодное для жилья, потом вышел из маленького двора и обошёл всю горную деревню.

Во-первых, нужно было убедиться, что в деревне он действительно один. Во-вторых, стоило познакомиться с окружающей местностью.

Даже в самые многолюдные времена в деревне Цзянцзя было всего несколько десятков дворов, и Цзян Лэ не понадобилось долго ходить, чтобы обойти её целиком. По внешнему виду здесь действительно уже никто не жил. Многие дома обветшали, следы человеческой жизни были совсем слабыми.

Цзян Лэ остановился перед уже обвалившейся стеной из жёлтой глины и посмотрел на большой водяной чан во дворе, заросший травой, а также на кривую деревянную раму окна, застрявшую в глиняной стене. Он как раз собирался уйти, когда боковым зрением заметил: в большом чане плавают несколько лотосовых листьев.

Цзян Лэ ступил в траву и подошёл ближе.

На дне чана лежал ил, а несколько лотосовых листьев, питаюсь дождевой водой за все эти годы, всё ещё жили. Над ними слабо светилась отметка 1-го уровня.

Цзян Лэ вынул их вместе с корнями и сразу перенёс в пространство фермы.

В пруду фермы жило всего с десяток рыбок. Для площади около четырёх квадратных метров такой объём выглядел пустым и расточительным.

После того как Цзян Лэ успешно поднялся до 2-го уровня, на поверхности пруда появились несколько рамок, похожих на участки в поле. Цзян Лэ предположил, что это означает возможность сажать туда какие-нибудь водные культуры.

Теперь он подошёл к пруду и действительно увидел, что внутри рамок на воде начала мигать надпись «ожидает посадки».

Он аккуратно положил принесённые стебли и листья лотоса с корнями у края пруда. В соответствующей рамке надпись «ожидает посадки» исчезла, а листья легко расправились на поверхности воды.

Солнце село. В доме загорелась тёплая лампа. Горный ветер прошёл через двор и зал. Цзян Лэ лежал на лежаке под карнизом, смотрел на тёмно-синее небо и тихо вздохнул.

Таких дней оставалось всё меньше.

Летняя ночь в горах и лесу не была душной. Наоборот, здесь ощущалась прохлада. Цзян Лэ проснулся сам в старой кровати с балдахином, на очаге сварил себе кашу на дровах и, пока солнце ещё не показалось полностью, надел резиновые сапоги и вышел.

Удачная посадка лотоса накануне воодушевила его. Он помнил, что за деревней Цзян был пруд. В детстве летом там росли не только лотосы, но и водяные орехи.

Обойдя несколько жилых домов и пройдя метров сто к горному лесу, он и правда увидел перед собой пруд среднего размера. По краю пруда сельчане когда-то уложили каменные плиты, но теперь их уже скрывали водяные травы и прочая зелень. Сам пруд густо покрывали лотосовые листья. Цветы лотоса и коробочки с семенами слегка покачивались в утреннем ветре, а свежий аромат тянулся к Цзян Лэ.

Цзян Лэ ступил на каменную плиту и заглянул внутрь. В просветах между лотосовыми листьями действительно плавало несколько групп листьев водяного ореха.

Место для посадок в фермерском пруду было ограничено, и много водяного ореха Цзян Лэ не требовалось. Он взятым с собой крючком подцепил несколько пучков, выбрал ближайший к себе и осторожно вытащил его целиком, стараясь сохранить корневую систему под водой.

У края пруда вода была неглубокой, и Цзян Лэ мог зайти туда в резиновых сапогах. По способу, которому в детстве научил его дедушка, он нашёл черешок лотосового листа с гладким стеблем без шипов и провёл рукой вниз под воду. И правда, в иле попался лежавший поперёк корень лотоса.

Цзян Лэ достал корень из воды. Сейчас он был ещё довольно нежным и хрупким, не дорос до самого большого размера. По внешнему виду эти лотосы отличались от тех, которые Цзян Лэ вчера взял из водяного чана.

В десятке с лишним метров от большого пруда была ещё одна маленькая лужа. Здесь не было ни лотосов, ни водяных орехов. Только водяные гиацинты теснились так густо, что издали это место почти можно было принять за небольшой участок зелёной земли.

Водяной гиацинт в дикой природе из-за слишком быстрого роста легко захватывает целую водную поверхность, и для многих крестьян обычно становится головной болью.

Но утки на самом деле очень любят его есть. К тому же за разнообразие посадок ферма давала более богатую награду опытом, а разные участки фермы не могли влиять друг на друга. Даже если посадить водяной гиацинт в пруду, не нужно было беспокоиться, что он захватит всю водную поверхность.

Поэтому Цзян Лэ тоже взял посадочный материал водяного гиацинта и вместе со всем остальным перенёс его в ферму.

<http://bllate.org/book/17649/1689455>